

УДК 811.11-112

UDC 811.11-112

Семенова Татьяна Ивановна
Иркутский государственный университет
г. Иркутск, Российская Федерация
Tatiana I. Semenova
Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation
tisemenova54@mail.ru

**ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОГРЕССИВА
В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОВЕДЕНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА
INTERPRETIVE FUNCTION OF THE ENGLISH PROGRESSIVE
IN CONCEPTUALIZING BEHAVIOUR MEANINGS**

Аннотация

В статье анализируются когнитивные и коммуникативные потенции грамматических конструкций типа *She is being rude/polite/respectful*, выявляются структуры знания, закодированные в значении длительного вида неакциональных глаголов. Выявляется и обосновывается интерпретирующий потенциал прогрессива стальных глаголов и его роль в концептуализации ситуаций поведения. Исследуется языковое конструирование ситуации поведения в англоязычной картине мира морфологической формой длительного вида неакциональных глаголов. Результаты исследования свидетельствуют о том, что интерпретирующий потенциал прогрессива стальных глаголов заключается в фокусировании наблюдаемой симптоматики, и это фокусирование на наблюдаемости обусловлено не лексическим значением глагола, а его аспектуальными характеристиками. Полученные результаты вносят вклад в исследование проблематики вариативности языкового конструирования мира, расширяют представление о когнитивном статусе грамматических явлений.

Abstract

The subject matter of the paper is the description of knowledge represented in the cognitive models with the progressive forms of the state-denoting predicates like *She is being rude/polite/respectful*. The paper introduces the idea of the interpretative progressive as a grammatical pattern of conceptualizing behavior. It is shown that the result of combining a normally state-denoting predicate with the progressive always gives the predicate an agentive acting or behavior meaning. It is claimed that in sentences with the interpretative progressive, one and the same human act is first observed and then interpreted. By using the interpretative progressive the speaker indicates that he/she is giving his/her interpretation of somebody's behavior. The obtained results contribute to the study of the alternative language construal of the world as well as to deeper understanding of grammar phenomena cognitive potential.

Ключевые слова: концептуализация, конструирование, ситуация поведения, акциональный глагол, стальный глагол, интерпретирующий прогрессив.

Keywords: conceptualization, construal, behavior meanings, event-denoting predicate, state-denoting predicate, interpretative progressive.

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_3_142_152

1. Введение

Современная антропоцентрическая лингвистика вывела в фокус научных изысканий проблему человека в языке, способы структурирования, осмысления говорящим

познаваемого мира, характер отображаемой действительности. С точки зрения когнитивного подхода к значению, языковые формы понимаются как определённые структуры знания, посредством которых обеспечиваются гносеологические закономерности познания человеком мира [Taylor, 1995 ; Langacker, 2002 ; Кубрякова, 2004 ; Lee, 2004 ; Kövecses, 1987]. Ситуацию поведения, как и любую другую ситуацию, говорящий концептуализирует с помощью глагольного значения [Кустова, 2004 ; Падучева, 2004 ; Плотникова, 2009 ; Ковалева, 2008]. Глаголы поведения структурируют лексико-семантическую группу с интегральной семой ‘вести себя как’ / ‘вести себя как-либо по отношению к кому-либо’ [Айдарова, 2016 ; Спиридонова, 2008 ; Савватеева, 2019]. Закрепление в семантике глаголов поведения социальных, этических норм коммуникативного взаимодействия, правил социальных взаимоотношений, позволяет трактовать их как глаголы антропосферы [Гришаева, 1999], как глаголы социального поведения [Плотникова, 2009]. Наличие модально-прагматического компонента в значении глаголов поведения позволяет отнести их к тематическому классу глаголов интерпретации, поскольку как глаголы поведения, так и собственно интерпретативы не обозначают никакого конкретного действия или состояния, они служат для оценочной интерпретации другого, вполне конкретного действия, образующего пресуппозицию глагола [Апресян и др., 2006, с. 145]. Исследование языковой концептуализации поведения человека в англоязычной картине мира свидетельствует о лексической категоризации поведенческих ситуаций репрезентативным корпусом глагольных номинаций [Айдарова, 2016 ; Спиридонова, 2008 ; Савватеева, 2019].

Концептуализация внеязыковой действительности осуществляется в соответствии с разным её видением говорящим в зависимости от того, какой способ осмысления ситуации профилируется языковой формой. Вариативность концептуализаций (*alternative construal of the world*) как следствие избирательности человеческого восприятия лежит в основе когнитивной деятельности в целом [Кубрякова, 2004 ; Kövecses, 1987 ; Langacker, 2002 ; Lee, 2004]. Выбор говорящим способа языковой объективации ментальных структур находит отражение и в конструировании ситуации поведения средствами грамматического уровня, как например: 1) *I am probably being a fool to turn you down* [BNC]; 2) *She is being naughty, as usual* [BNC]; 3) *I went over to him wondering if something was wrong or if he was just being lazy* [BNC]. В примерах выше длительная форма предиката категоризирует поведенческие ситуации *дурачиться / капризничать / лениться*. Вариативность языковых средств языкового кодирования воспринимаемой ситуации позволяет высветить аспекты референтной ситуации, которые соответствуют коммуникативной интенции говорящего. В связи с вышесказанным целью статьи является исследование языкового конструирования ситуации поведения в англоязычной картине мира аспектуальным значением прогрессивности неакциональных глаголов. Подход к грамматическим формам как к определённым структурам знания позволяет выдвинуть гипотезу о том, что в употреблении длительных форм стального глагола заложена определённая упорядоченность, обусловленная закономерностями восприятия, осмысления и языковой категоризации действительности.

Методологической основой исследования является положение когнитивной лингвистики о том, что грамматика языка как когнитивная подсистема должна показывать, «каким образом параметры формы связаны с параметрами значения и коммуникативной функцией» [Lakoff 1987, p. 583]. Исследование аспектуального значения длительности английских стальных глаголов в языковом конструировании ситуаций поведения позволит выявить коммуникативные и когнитивные потенциалы грамматических явлений в категоризации мира.

2. Результаты и обсуждение

Как фрагмент поведенческой картины мира ситуация поведения мыслится как «сценарий» некой типовой ситуации, то есть как ментальная структура, представляющая собой интерпретацию говорящим ситуации внеязыковой действительности как повторяющегося динамического процесса, обладающего набором участников с закреплёнными социальными ролями [Плотникова, 2009]. Не случайно Ю. Д. Апресян даёт краткое, но эксплицитное толкование ситуации поведения как «действие с элементами интерпретации» [Апресян и др., 2006, с. 153]. Так, если человек лежит на диване, то это наблюдаемое действие можно проинтерпретировать и как *отдыхать*, и как *бездельничать*. Другими словами, действие *лежать на диване* само по себе не является конвенциональным обозначением поведения, поведенческим смыслом его наделяет наблюдатель, который на основе своего опыта и знания мира осуществляет когнитивные операции по интерпретации наблюдаемого. Таким образом, когнитивный сценарий ситуации поведения включает, как минимум, две логически упорядоченные пропозиции, одна из которых принадлежит действительному миру (наблюдаемое действие), а вторая – концептуальному миру субъекта (интерпретация этого действия как формы, за которой скрыто содержание). Конструкции с прогрессивом категоризируют способ представления ситуации в перспективе наблюдателя, «по отношению к которому или с точки зрения которого рассматривается и оценивается все воспринятое» [Кубрякова, 2004, с. 88].

Когнитивный сценарий ситуаций поведения получает языковое закрепление средствами грамматического уровня, ср.: 4) *I remember him saying it was a shame that he had to punish us both when only one of us was being naughty* [BNC]; 5) *All my life I have suffered because of Father being important* [BNC]. В примерах выше вербализуются прототипические характеристики категории, исходно не связанной со статальным глаголом *to be*, а именно актуализируется категориальное значение действия, грамматическим маркером которого выступают формы прогрессива, однако номинация этого действия на языковом уровне отсутствует, оно является подразумеваемым, а эксплицируется его интерпретация, смысл, которым наблюдатель наделяет это имплицитное действие, как в (4) *капризничать*, в (5) *важничать*. Обращение к особенностям когнитивной деятельности человека в категоризации мира свидетельствует о том, что в своей номинативно-дискурсивной деятельности для обозначения новой ситуации или профилирования отдельных её аспектов, человеку свойственно не столько создавать новую когнитивную структуру, сколько приспособлять уже существующие структуры к новому знанию и опыту.

Попытаемся выявить, какие признаки денотативной ситуации категоризируются длительной аспектуальной формой неакционального глагола, какие структуры знания стоят за данной грамматической формой, какие характеристики ситуации поведения фиксируются аспектуальным значением прогрессива, какие коммуникативные и когнитивные потенции заложены в этой грамматической форме.

В исследованиях английских аспектуально-временных форм отмечается, что формы продолженного вида возможны только у акциональных глаголов, наиболее полно выражающих категориальное значение глагола как части речи [Leech, 1971; Voorst, 1992]. Акциональные глаголы характеризуются признаками конкретно-временной локализации, контролируемости, наблюдаемости. С когнитивных позиций содержанием грамматической формы английского прогрессива является признак «наблюдаемость действия» [Кравченко, 1996; Ljung, 1980; Lee, 2004], который предидируется, прежде всего, глаголам конкретного физического действия, перемещения, движения, речевого действия. В англистике глаголы, обозначающие такого рода действия, номинируются как «открытые» *overt verbs*, номинирующие действия, воспринимаемые прямым наблюдением [Ljung,

1980]. Наблюдаемость не характерна для онтологически ненаблюдаемых действий и состояний (ментальных, эмоциональных, физических) [Leech, 1971 ; Voorst, 1992].

Переосмысление статальных глаголов как глаголов деятельности Дж. Лайонз описывает в терминах «вторичной категоризации» [Лайонз, 1978, с. 334]. Н. Н. Болдырев объясняет формирование категориального значения активности у отдельных статальных глаголов их функциональной перекатегоризацией [Болдырев, 2000]. Интерпретирующий подход к языковым явлениям позволяет выявить различные механизмы вторичной интерпретации знаний в языке [Болдырев, 2011]. Необходимость типологии языковой интерпретации ранее высвечивал А. В. Бондарко [Бондарко, 1992], отмечая, что «категориальные значения видовых форм являются преимущественно интерпретационными» [Бондарко, 1992, с. 15]. Интерпретационный потенциал морфологии как модификацию концептуального содержания языковой единицы, «подвергшееся изменению по определённой модели с целью формирования нового смысла», исследует Н. А. Беседина [Беседина, 2013, с. 432].

Проблемный характер функционирования прогрессива высвечивает М. Льюнг [Ljung, 1980]. Автор обосновывает значение агентивности (agentive meaning) как когнитивную основу поведения (behaviour meaning) грамматической формой прогрессива статальных глаголов [Ljung, 1980, p. 149]. Так, высказывания *You are not believing me; You are not understanding me* категоризируют не ментальное состояние субъекта (*недоверие, непонимание*), а внешнее проявление этих ментальных состояний (*взгляд, голос, выражение лица*), которые язык трактует как имеющие динамический характер. Содержание такого рода предложений может быть проинтерпретировано как: *Судя по взгляду / голосу / выражению лица, ты мне не доверяешь / не понимаешь меня*.

В исследованиях категориального значения английского аспекта разница между предложениями типа *She is rude / polite / respectful* и *She is being rude / polite / respectful* сводится к оппозиции «свойство vs проявление свойства по отношению к другому» [Voorst, 1992]. Предложения с недлительным видом денотируют личностные свойства (моральные, нравственные, социальные, интеллектуальные, коммуникативные), предсказуемые человеку, то есть, по своему характеру и природе человек может быть категоризован как *вежливый, грубый, уважительный*. В высказываниях с длительной формой глагола актуализируется деятельностный аспект, это значит, что в коммуникативной ситуации человек производит действия (вербальные / невербальные), которые интерпретируются наблюдателем как проявление вежливости, грубости, уважительности. Денотативные ситуации, категоризируемые конструкциями с прогрессивом, содержат семантический компонент, предполагающий активность субъекта, и эта активность подводится под категорию поведения. Таким образом, когнитивный потенциал прогрессива статальных глаголов отражает «восприятие» поведенческих значений, выводимых из наблюдаемых действий [Bolinger, 1972, p. 202–203]. Различие аспектуальных форм глагола в очередной раз подтверждает мысль о том, что «всякое формальное расхождение служит сигналом различий смысловых» [Золотова и др., 2004, с. 190].

Важным для проблематики нашего исследования является введённое М. Льюнгом метапонятие «интерпретирующий прогрессив» (interpretative progressive), суть которого заключается в том, что выбирая эту форму, говорящий представляет свою интерпретацию чьего-либо поведения [Ljung, 1980, p. 151], вследствие того, что в значении прогрессива статальных глаголов синкретично совмещается значение наблюдаемой активности и интерпретация этой активности. Длительная форма глагола маркирует актуальность в момент речи того наблюдаемого конкретного действия, которое является предметом интерпретации, другими словами, наблюдение сопровождается осмыслением события, включением его в область логических выводов, то есть реализуется «усиле-

ние информативного плана через экспликацию объяснения смысла действия» [Золотова и др., 2004, с. 426]. Интерпретирующий потенциал прогрессива статальных глаголов, как отмечает М. Льюнг, заключается в фокусировании наблюдаемой симптоматики, и это фокусирование на наблюдаемости обусловлено не лексическим значением глагола, а его аспектуальными характеристиками [Ljung, 1980, p. 48].

Однако по отношению к термину «интерпретирующий прогрессив» автор считает необходимым отметить его неточность («interpretative progressive is really a misnomer») [Ljung, 1980, p. 153], объясняя это тем, что форма прогрессива сама по себе не реализует интерпретирующий потенциал, она является лишь грамматическим маркером интерпретирующей сущности предиката в целом. Введённое М. Льюнгом уточнение коррелирует с когнитивным подходом к грамматике, суть которого заключается в том, что грамматика не является отдельным модулем, независимым от остального познания [Lakoff, 1987, p. 582]. Это значит, что речь должна идти не только о длительной форме глагола *to be*, а о предикате в целом. Функцию предиката реализуют статальные глаголы типа *believe, consider, understand, like, imagine*, а также сочетания глагола *to be* с прилагательными, обозначающими в терминах М. Льюнга [Ljung, 1980] «скрытые» признаки (covert properties) *frank, friendly, funny, kind, nice, fine, foolish, impatient, rude, stupid, impertinent, ridiculous, respectful, cautious, silly, patient, clever, naughty, honest, unreasonable*. В отечественной лингвистике такие прилагательные категоризируются как интерпретационные [Золотова и др., 2004]. На системном уровне вышеназванные прилагательные квалифицируют субъект, являющийся носителем названных свойств безотносительно к оси времени, поскольку свойства не ассоциируются с временными характеристиками, ср.: 6) *He is as unreasonable as his father* [Hammett, 2003]; 7) *You are silly and you are tiresome* [Show, 2005].

Позицию предикатива глагола *to be* занимают и существительные с поведенческими импликациями, ср.: *baby, brute, coward, liar, snob, idiot, fool, pest, hero, bore, nuisance*. В высказываниях с длительной формой глагола *to be* такие существительные актуализируют значение ‘вести себя, как это свойственно / подобно лицу’, ср.: 8) *I know I am being a coward about this should tell Andy myself* [BNC]; 9) *That was not bouncing that was being a fool, jumping over the wall like that on those springs* [BNC]. Интерпретативное значение актуализируется и в высказываниях, позицию предикатива в которых занимают существительные и прилагательные, обозначающие наблюдаемые, информативные признаки, которые не относятся к категории интерпретационных номинаций, например, этнонимы в позиции предикатива получают поведенческие импликации, ср.: 10) “*He understood you perfectly well*” – *she said*. – “*He was just being Italian*” [Show, 2005]. Речь в ситуации идёт о том, что официант жестами и мимикой делает вид, что не понимает по-английски, и форма прогрессива в сочетании с именем лица, обозначающего национальность, категоризирует характеристику поведения, присущую итальянцам.

Отсылка к «деятельностному», динамическому аспекту ситуации поведения актуализируется на синтаксическом уровне заполнением позиции валентности наблюдаемого действия вторично-предикативным оборотом, придаточным предложением, ср.: 11) *I think Mr Sheblee is being unreasonable in not accepting the revised price* [BNC]; 12) *He was being impertinent, he knew that; nevertheless he asked the question again* [BNC]. Примеры выше категоризируют ситуации поведения, в которых Наблюдатель оценивает единичные события – *отказался от предложенной цены на товар* (11), *повторно задал вопрос* (12) и подводит эти речевые действия под категорию поведения, квалифицируя, интерпретируя их как проявление *недальновидности / дерзости*. Итак, в когнитивной структуре ситуации поведения на уровень первичной категоризации (восприятие речевых физических действий) накладывается структура более высокого уровня обработки

данных – уровень интерпретации, на котором происходит вторичная категоризация информации, обработанной на первичном уровне. На синтаксическом уровне интерпретационная номинация может предшествовать перцептивной, как в примерах выше, или наоборот, ср.: 13) *I watched him pause before the front door of the bungalow. It was only a matter of seconds before he pushed open the door and went inside. But he **was being** very **cautious*** [Chase, 2003]. В примере категоризируется ситуация, в которой персонаж-наблюдатель оказывается невольным свидетелем того, как его бывший друг, пытаясь проникнуть в дом, где находится сейф с деньгами, медлит, перед тем как открыть дверь, и эти наблюдаемые действия интерпретируются как поведенческая ситуация *осторожничать*. Возможны ситуации, в которых наблюдаемое действие не эксплицируется, оно имеет статус подразумеваемого, эксплицируется же его интерпретация: *кто-то ленится / глупит / обижает / важничает*, ср.: 14) *I went over to him wondering if something went wrong or if he **is just being lazy*** [BNC]; 15) *You **are just being silly and offensive*** [BNC]; 16) *All my life I have suffered because of Father **being important*** [BNC]. В таких высказываниях ассертивной является интерпретационная номинация, а пресуппозитивный компонент содержит представление об определённой активности. Таким образом, в категоризации ситуаций поведения наблюдатель интерпретирует наблюдаемые действия как проявления неких внутренних закономерностей, т. е. осуществляет когнитивную операцию инференции. Инференция, как замечает Е. С. Кубрякова, есть «некое домысливание реального» [Кубрякова, 2004, с. 412].

В роли наблюдателя / интерпретатора может выступать и сам субъект действия, вычленив в качестве объекта своё поведение, хотя прототипически он не может становиться в позицию наблюдателя по отношению к самому себе (*Я знаю, что я веду себя неразумно / проявляю трусость*), ср.: 17) *I knew I **was being unreasonable*** [BNC]; 18) *I know I **am being a coward** about this should tell Andy myself* [BNC]. Оценивающий взгляд на своё поведение со стороны, «расщеплённое эго» (split ego), в терминах М. Льюнга [Ljung, 1980, p. 154], эксплицируется в высказываниях с первым лицом, в которых интерпретирующую деятельность познающего субъекта сигнализируют эпистемические предикаты (*think, know*).

Как явствует из анализа эмпирического материала, предикаты поведения как и другие интерпретационные предикаты, не обозначают какую-то определённую денотативную ситуацию. В примерах ниже разные ментальные и речевые действия категоризируются как поведенческая ситуация «вести себя глупо», которая вербализуется интерпретационной номинацией *being silly*. Так, люди *ведут себя глупо*, если думают, что их мнение расходится с общепринятым: 19) *Most people think they **are being silly** if they have to ask a question they think that everyone else isn't probably thinking the same way* [BNC]; когда хвастаются о своём бизнесе: 20) *Yet, her father **was being silly**, bragging about the business* [BNC]; когда думают, что работа мешает личным отношениям: 21) *Perhaps she was being silly in thinking that her job was the stumbling block between them* [BNC], когда жалуются: 22) *One patient who complained was told **to stop being silly*** [BNC].

Всякое поведение предполагает наблюдаемость действий, которые имеют отличные от материальных, идеальные значимости для наблюдателя, в таких случаях имеет место интерпретация этих действий как поведения. Примером подведения поступка под тип поведения может служить следующий дискурсивный фрагмент, описывающий ситуацию на уроке, в которой учительница строго указывает армянскому мальчику, чтобы в его семье не готовили блюда с чесноком, поскольку её раздражает этот запах. На что ученик предлагает чаще открывать окна, тем более что в классе жарко и душно, и легче открыть окно и проветрить, чем не готовить пищу с чесноком. Реакция ученика вызыва-

ет возмущение учительницы, и она наказывает его ударом линейки по руке, мотивируя тем, что он *ведёт себя вызывающее, безобразничает, дерзит*. Данная поведенческая ситуация означает аспектуюальную форму прогрессива глагола *to be* в сочетании с прилагательным *impertinent*, в семантике которого заложен оценочный интерпретативный компонент ‘грубое неуважительное отношение к старшим’ – *rude and not showing respect for someone esp. someone who is older and more senior* [LDCE]. Речевые действия ученика интерпретируются наблюдателем (в роли которого выступает учительница) как *дерзкое, вызывающее поведение*, нарушающее нормы общественного поведения в учебном заведении, ср.: 23):

“Put out your right hand”, she said

“What for?”

“For **being impertinent.**”

It happened that I had recently learned the meaning of this word.

“I haven’t been impertinent,” I said.

“**You are being impertinent now**” the teacher said. *Put out your right hand or I shall send you to the principal who will give you a thrashing <...>”You are not going to make a fool out of me in this class” <...>.*

Мальчик, в свою очередь, интерпретирует выражение лица учительницы, её интонацию, взгляд и категоризует эти внешние признаки как нелепое поведение: 24) *So many things happened to her face, to her eyes and her mouth that I almost felt sorry for her. I certainly felt disgusted with myself, although I knew she was being ridiculous* [Saroyan, 2002].

Концептуальным основанием ситуации поведения является определённое отклонение от нормы, нарушение социальных норм. В наивной этике, как отмечает Ю. Д. Апресян, различаются три основных вида норм: нормы личного поведения (оно должно быть разумным, естественным), нормы поведения с партнером (оно должно быть кооперативным) и нормы общественного поведения (оно не должно нарушать общественного порядка) [Апресян и др., 2006, с. 13]. Так, если человек *кривляется, паясничает, жеманится*, он тем самым ведёт себя неестественно; если *капризничает, упрямится, привередничает*, он ведёт себя некооперативно, в случаях, если человек *хулиганит, безобразничает, скандалит*, он ведёт себя асоциально, нарушает общественный порядок. Закрепление в языковых формах поведенческих девиаций обусловлено закономерностями концептуализации и категоризации действительности, способностью человека воспринимать мир избирательно и, прежде всего, замечать аномальные явления [Арутюнова, 1999, с. 74–76]. Именно поэтому семантика «сдвинута в сторону ненормативных явлений» [Арутюнова, 1999, с. 84], «лексика более развернута к аномалиям, чем к норме» [Арутюнова, 1999, с. 587], подтверждением чему является репрезентативный корпус языковых единиц с семантикой порицаемого поведения.

В нормативной картине мира вежливость является нормой коммуникативного взаимодействия, а грубость расценивается как нарушение коммуникативных принципов. Грубость как намеренная демонстрация неуважения к другим может реализовываться вербальной и невербальной агрессией, ср.: 25) “**You are being rude**“. – “I’d like to introduce you to my friend” [BNC]. В предложении категоризуется ситуация, в которой на вечеринке девушка хватает за руку свою подругу, которая увлечена разговором с молодым человеком, и этот жест касания расценивается как грубое невербальное поведение. Крайняя степень невежливости, преднамеренное оскорбление собеседника репрезентируется предикатом *be obnoxious* в аспектуюальной форме прогрессива, ср: 26) *Wadleigh was being obnoxious but Craig couldn’t help being offended by Gail’s offhand dismissal of a man’s life’s work* [Shaw, 2005].

Важным представляется ещё один прагматический аспект поведенческих ситуаций, для обозначения которых употребляются предикативы с положительным оценочным знаком: *clever, honest, polite, respectful, nice, kind, hero, genius*. В конструкциях с прогрессивом порождается импликатура негативной оценки наблюдаемого поведения, то есть происходит смена оценочного знака предикатива. Вежливость, уважительность, честность, интеллектуальные и моральные качества концептуализируются как имеющие показной, демонстративный характер и в силу этого получают отрицательную оценку со стороны говорящего. Так, например, ниже описывается ситуация, в которой на выставке встречаются писатель и начинающий художник, и, несмотря на явный интерес к картинам, у писателя складывается впечатление, что отвечая на вопросы о том, кто позировал, как называется картина, художник лишь старается *проявить уважительность*, ср.: 27) *He distinctly got the impression that the painter was being respectful and he couldn't imagine why* [Saroyan, 2002]. Пропозиция *the painter was being respectful* приобретает отрицательный оценочный знак и вербализует ненормативную поведенческую ситуацию, причину которой говорящий не понимает, о чём свидетельствует незаполненная позиция обстоятельства причины *couldn't imagine why*. В качестве сравнения можно отметить, что в русском языке глаголы с суффиксом *-нича*, производные от основ прилагательных со значением положительно оцениваемых свойств (*важничать, гениальничать, оригинальничать*) выражают некий общий смысл, а именно идею имитации свойства с указанием на неискренность агенса [Апресян, 2008, с. 33–34].

3. Заключение

Итак, в результате исследования верифицирована выдвинутая гипотеза о том, что функционирование прогрессива стальных глаголов в английском языке обусловлено закономерностями восприятия, осмысления и языковой категоризации действительности. Выявлены когнитивные основания прогрессива стальных глаголов как сопряжение в семантике этой грамматической формы перцептивных и интерпретационных аспектов, то есть наблюдаемой активности и интерпретации этой активности, что позволило обосновать интерпретирующий потенциал прогрессива стальных глаголов. Результаты исследования подтверждают, что в системе английского языка заложены как лексические, так и семантико-грамматические средства категоризации ситуации поведения. Значение поведения выводимо из формы прогрессива глагола *to be* в сочетании с предикативами, номинирующими личностные, нравственные, интеллектуальные качества, свойства характера. Полученные результаты вносят вклад в исследование проблематики вариативности языкового конструирования мира, расширяют представление о когнитивном статусе грамматических явлений.

Список литературы

- Айдарова, 2016 – Айдарова, А. М. Глаголы поведения в русском, татарском, английском языках [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.20 / Айдарова Алсу Мирзаяновна; Казанский (Приволжский) федеральный университет. – Казань, 2016. – 23 с.
- Апресян и др., 2006 – Апресян, В. Ю. Языковая картина мира и системная лексикография [Текст] / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева. – М.: Яз. славян. Культуры, 2006. – 912 с.
- Апресян, 2008 – Апресян, Ю. Д. От истины до лжи по пространству языка [Текст] / Ю. Д. Апресян // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией. отв. ред. член-корреспондент РАН Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2008. – С. 23–45.
- Арутюнова, 1999 – Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

- Беседина, 2013 – Беседина, Н. А. Интерпретационный потенциал морфологии: факторы и механизмы [Текст] / Н. А. Беседина // Когнитивные исследования языка. – 2013. – № 15. – С. 428–436.
- Болдырев, 2011 – Болдырев, Н. Н. Интерпретирующая функция языка [Текст] / Н. Н. Болдырев // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2011. – № 33 (248). Филология. Искусствоведение. – С. 11–16.
- Болдырев, 2000 – Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии [Текст] / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2000. – 123 с.
- Бондарко, 1992 – Бондарко, А. В. К проблеме соотношения универсальных и идеоэтнических аспектов семантики: интерпретационный компонент грамматических значений [Текст] / А. В. Бондарко // Вопросы языкознания. – 1992. – № 3. – С. 5–20.
- Гришаева, 1999 – Гришаева, Л. И. Глаголы поведения как семантический класс глаголов антропо-сферы: когнитивный, семантико-структурный и функциональный аспекты описания (на материале современного немецкого языка) [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Гришаева Людмила Ивановна ; Ин-т языкознания РАН. – Москва, 1999. – 53 с.
- Золотова и др., 2004 – Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка [Текст] / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – 2-е изд. – М. : ИРЯ РАН : МГУ, 2004. – 544 с.
- Ковалева, 2008 – Ковалева, Л. М. Английская грамматика: предложение и слово [Текст] / Л. М. Ковалева. – Иркутск, 2008. – 397 с.
- Кравченко, 1996 – Кравченко, А. В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации [Текст] / А. В. Кравченко. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1996. – 160 с.
- Кубрякова, 2004 – Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е. С. Кубрякова. – М. : Яз. славян. Культуры, 2004. – 560 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
- Кустова, 2004 – Кустова, Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения [Текст] / Г. И. Кустова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.
- Лайонз, 1978 – Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику [Текст] / пер. с англ. В. А. Звегинцева. – М. : Прогресс, 1978. – 543 с.
- Падучева, 1996 – Падучева, Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) [Текст] / Е. В. Падучева. – М. : Яз. славян. Культуры, 1996. – 464 с.
- Плотникова, 2009 – Плотникова, А. М. Когнитивное моделирование семантики глагола (на материале глаголов социальных действий и отношений) [Текст] : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.19 / Плотникова Анна Михайловна ; Екатеринбург, 2009. – 37 с.
- Савватеева, 2019 – Савватеева, И. А. Вербализация семиотического и аксиологического потенциала концепта BEHAVIOUR в английском языке [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Савватеева Ирина Анатольевна ; Иркутский гос. ун-т. – Иркутск, 2019. – 23 с.
- Спиридонова, 2008 – Спиридонова, Ю. А. Английские глаголы поведения: валентностный анализ [Текст] / Ю. А. Спиридонова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 54. – С. 207–213.
- Bolinger, 1972 – Bolinger, D. Degree words [Text] / D. Bolinger. – The Hague : Mouton, 1972. – 324 p.
- Kövecses, 2006 – Kövecses, Z. Language, Mind and Culture [Text] / Z. Kövecses. – Oxford, 2006. – 397 p.
- Lakoff, 1987 – Lakoff, G. Women, Fire and Dangerous Things: What categories reveal about the mind [Text] / G. Lakoff. – Chicago : University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
- Langacker, 2002 – Langacker, R. W. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar [Text] / R. W. Langacker. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2002. – 2nd edition. – 395 p.
- Lee, 2004 – Lee, D. Cognitive Linguistics: An Introduction [Text] / D. Lee. – Oxford, New York : OUP, 2004. – 223 p.
- Leech, 1971 – Leech, G. N. Meaning and the English Verb [Text] / G. N. Leech. – London : Longman Group Ltd, 1971. – 131 p.
- Ljung, 1980 – Ljung, M. Reflections on the English Progressive [Text] / M. Ljung // Gothenburg Studies in English. – 1980. – Vol. 46. – P. 4–166.

- Taylor, 1995 – Taylor, J. R. Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory [Text] / J. R. Taylor. – Oxford, Clarendon Press, 1995. – 309 p.
- Voorst, 1992 – Voorst, J. V. The Aspectual Semantics of Psychological Verbs [Text] / J. V. Voorst // Linguistics and Philosophy. – 1992. – Vol. 15. – № 1. – P. 65–91.

Источники иллюстративного материала

- BNC – British National Corpus [Electronic resource]. – URL : <http://www.natcorp.ox.ac.uk> (дата обращения 27.06.2019).
- Chase, 2003 – Chase, J. H. Come Easy Go Easy [Text] / J. H. Chase. – М. : Айрис-пресс, 2003. – 384 с.
- Hammett, 2003 – Hammett, D. The Thin Man [Text] / D. Hammett. – М. : Paduga Publishers, 2003. – 224 с.
- LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. – Harlow, Essex : Longman Group Ltd., 1997. – 1680 p.
- Saroyan, 2002 – Saroyan, W. Selected Short Stories [Text] / W. Saroyan. – М. : «Радуга», 2002. – 368 с.
- Shaw, 2005 – Shaw, I. Nightwork [Text] / I. Shaw. – СПб. : Антология, КАРО, 2005. – 448 с.

References

- Apresyan, V. Yu., Apresyan, Yu. D., Babayeva, Ye. E (2006). *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [Language picture of the world and systemic lexicography]. Moscow : LRC Publishing House.
- Apresyan, Yu. D. (2008). Ot istiny do lzhi po prostranstvu yazyka [From truth to falsehood in the space of a language]. In A. D. Arutyunova (Ed.), *Logicheskiy analiz yazyka. Mezhdue lozh'yu i fantaziyey* [Logical analysis of the language. Between lie and fantasy] (pp. 23–45). Moscow : Indrik Press.
- Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka. 2-ye izd., ispr.* [Language and the world of man. 2nd ed., rev.]. Moscow : LRC Publishing House.
- Aydarova, A. M. (2016). *Glagoly povedeniya v russkom, tatarskom, angliyskom yazykakh* [Behaviour Verbs in the Russian, English and Tatar Languages]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Kazan : Kazan University.
- Besedina, N. A. (2013). Interpretatsionnyy potentsial morfologii: faktory i mekhanizmy [Morphology and interpretation: factors and mechanisms]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka. Mekhanizmy yazykovoy kognitsii* [Cognitive studies of language], 15, 428–436.
- Boldyrev, N. N. (2000). *Kognitivnaya semantika: kurs lektsiy po angliyskoy filologii* [Cognitive semantics: A course of lectures in English philology]. Tambov : Tambov State University Press.
- Boldyrev, N. N. (2011). Interpretiruyushchaya funktsiya yazyka [Interpreting function of the language]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chelyabinsk State University Bulletin], 33 (248), Philology. Study of Art., 11–16.
- Bondarko, A. V. (1992). K probleme sootnosheniya universal'nykh i ideoetnicheskikh aspektov semantiki: interpretatsionnyy komponent grammaticheskikh znacheniy [On the correlation of the universal and idioethnic aspects of semantics: Interpretational component of grammatical meaning]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the study of language], 3, 5–20.
- Grishayeva, L. I. (1999). *Glagoly povedeniya kak semanticheskiiy klass glagolov antroposfery: Kognitivnyy, semantiko-strukturnyy i funktsional'nyy aspekty opisaniya (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka)* [Verbs of behaviour as a semantic class of anthroposphere verbs: Cognitive, semantic-structural and functional aspects of description (Based on the material of the modern German language)]. Author's abstract of Doctoral in Philological sci. diss. Moscow : Institute for Language Studies of the Russian Academy of Sciences.
- Zolotova, G. A., Onipenko, N. K., Sidorova, M. Yu. (2004). *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Russian communicative grammar]. 2nd edition. Moscow : V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences ; Moscow State University.

- Kovaleva, L. M. (2008). *Angliyskaya grammatika: predlozheniye i slovo* [English grammar: Sentence and word]. Irkutsk.
- Kravchenko, A. V. (1996). *Yazyk i vospriyatiye: Kognitivnyye aspekty yazykovoy kategorizatsii* [Language and perception: The cognitive aspects of linguistic categorization]. Irkutsk : Irkutsk State University Press.
- Kubryakova, Ye. S. (2004). *Yazyk i znaniye: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: Towards acquiring the knowledge about language: Parts of speech from the cognitive point of view. The role of language in the world cognition]. Moscow : LRC Publishing House.
- Kustova, G. I. (2004). *Tipy proizvodnykh znacheniy i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [Types of derived values and mechanisms of language extension]. Moscow : LRC Publishing House.
- Lyonz, J. (1978). *Vvedeniye v teoreticheskuyu lingvistiku* [Introduction to theoretical linguistics]. Translation from English by V. A. Zvegintsev. Moscow : Progress Press.
- Paducheva, Ye. V. (1996). *Semanticheskiye issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa)* [Semantic research (Semantics of tense and aspect in Russian; Semantics of narrative)]. Moscow : LRC Publishing House.
- Plotnikova, A. M. (2009). *Kognitivnoye modelirovaniye semantiki glagola (na materiale glagolov sotsial'nykh deystviy i otnosheniy)* [Cognitive modeling of the semantics of a verb (Based on the verbs of social actions and relations)]. Author's abstract of Doctoral in Philological sci. diss. Yekaterinburg.
- Savvateyeva, I. A. (2019). *Verbalizatsiya semioticheskogo i aksiologicheskogo potentsiala kontsepta BEHAVIOUR v angliyskom yazyke* [Verbalization of the semiotic and axiological potential of the BEHAVIOUR concept in English]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Irkutsk : Irkutsk State University.
- Spiridonova, Yu. A. (2008). Valentnostnyy analiz angliyskikh glagolov povedeniya [English verbs of behavior: Valence analysis]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 54, 207–213.
- Bolinger, D. (1972). *Degree words*. The Hague : Mouton.
- Kövecses, Z. (2006). *Language, Mind and Culture*. Oxford.
- Lakoff, G. (1987). *Women, Fire and Dangerous Things: What categories reveal about the mind*. Chicago : University of Chicago Press.
- Langacker, R. W. (2002). *Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin : Mouton de Gruyter.
- Lee, D. (2004). *Cognitive Linguistics: An Introduction*. Oxford, New York : OUP.
- Leech, G. N. (1971). *Meaning and the English Verb*. London : Longman Group Ltd.
- Ljung, M. (1980). Reflections on the English Progressive. *Gothenburg Studies in English*, 46, 4–166.
- Taylor, J. R. (1995). *Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory*. Oxford : Clarendon Press.
- Voorst, J. V. (1992). The Aspectual Semantics of Psychological Verbs. *Linguistics and Philosophy*, 15 (1), 65–91.

Sources of illustrative material

- BNC – *British National Corpus* (2019). Retrieved June 27, 2019 from <<http://www.natcorp.ox.ac.uk>>.
- Chase, J. H. (2003). *Come Easy Go Easy*. Moscow : Airis-Press.
- Hammett, D. (2003). *The Thin Man*. Moscow : Paduga Publishers.
- LDCE – *Longman Dictionary of Contemporary English* (1997). Harlow, Essex : Longman Group Ltd.
- Saroyan, W. (2002). *Selected Short Stories*. Moscow : “Raduga Press”.
- Shaw, I. (2005). *Nightwork*. St-Petersburg : Anthology, KARO Publishing house.